

DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00002

УДК 32+81-119(470):(430)

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ПОЛИТОЛИНГВИСТИКЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГЕМ КОНЦА XX ВЕКА**

Катаев Д.В., Катаева С.Г.

В статье раскрываются эвристические и прикладные возможности относительно молодой отрасли научного знания – политолингвистики. Релевантной калькой является сравнительный анализ языковых культур в эпоху Перестройки в России и объединения в Германии. Общность тенденций языковых изменений объясняется былой принадлежностью СССР и ГДР к одной идеологической системе. Различия обусловлены разной историей и предысторией социализма в этих странах, которые наложили национально-специфический отпечаток на последующие процессы демократических преобразований.

Ключевые слова: политолингвистика, трансформационный дискурс, идеологемы, политический язык, стигматизация.

**TRANSFORMATION DISCOURSE IN POLYTOLOGUISTICS:
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IDEOLOGEMS
AT THE END OF THE 20TH CENTURY**

Kataev D.V., Kataeva S.G.

The article reveals the heuristic and applied capabilities of polytolinguistics, a relatively young branch of scientific knowledge. A relevant tracing paper is a comparative analysis of language cultures in the era of Perestroika in Russia and German reunification. The generality of the trends of linguistic changes is explained by the former membership of the USSR and the GDR to one ideological system. The differences are due to the different history and prehistory of socialism in these countries, which have imposed a national-specific imprint on subsequent processes of democratic transformation.

Keywords: political linguistics, transformational discourse, ideologems, political language, stigmatization.

Политолингвистика выделилась в самостоятельную научную дисциплину в 1996 г., хотя уже с 20-х годов XX столетия социологами, политологами, лингвистами, историками, культурологами, философами предпринимались попытки в определении эвристических смыслов политического языка. Причисление политолингвистики исключительно к прикладным наукам на стыки лингвистики и политологии, требует уточнения и расширения. В большей мере, на наш взгляд, ее следует отнести к «теориям среднего уровня», которые занимают промежуточное положение между рабочими, прикладными гипотезами и теоретическими обобщениями. Такое видение расширит дискурсивные границы и нарратив политического языка, что позволит рассматривать его в рамках социологической рефлексии.

Политический язык трансформационного дискурса

Прошедшие по всему бывшему восточному блоку социалистических стран так называемые «бархатные революции» в языковом аспекте повторялись таким образом, «как будто бы они дублировались с одного языка на другой» [19, S. 1]. Отмеченный «языковой трансферт» основных политических понятий, произошедший в Восточной Европе, давший повод утверждать, что в языковом аспекте произошло не «четыре или шесть революций, а всего лишь одна» [19, S. 2], затронул и Советский Союз. При всей специфике *Перестройки* в Советском Союзе, которая, безусловно, отличает ее от «бархатных революций» партнеров по бывшему социалистическому лагерю, она, несомненно, имеет с ними много общего.

Исследование политических языковых культур эпохи *Перестройки* в СССР и *объединения* Германии позволяет выявить общие и специфические тенденции развития политического языка, характерные для каждой страны в период кардинальных общественно-политических изменений, осознать суть и типологию причин, вызывающих их. Анализ и оценка современного языкового материала, интерпретация событий в контексте определенных, похожих

исторических событий, их сравнение с другими обществами и языками могут помочь более дифференцированному восприятию и критическому осмыслению современной действительности в своей и чужой стране.

Идеологически релевантная номинативная специфика заключается в различном обозначении одного и того же или схожего денотата в разных политических системах (социалистической/капиталистической) и сигнализирует о различном отношении к одному и тому же явлению общественной жизни с точки зрения разных идеологий: *Werkstätiger / Arbeitnehmer, UdSSR / Sowjets, Warschauer Vertrag / Warschauer Pakt, antifaschistischer Schutzwall / Mauer (трудоющийся / наемный работник, СССР / Советы, Варшавский договор / Варшавский пакт, антифашистский защитный вал / стена)*. Наличие таких параллельных наименований, имеющих мировоззренческий характер, и образованных в разных идеологических системах по принципу «социалистический» / «капиталистический», свидетельствует о явлении «идеологически обусловленной синонимии» („ideologisch bedingte Synonymie“) [17, S. 46]. Судьба таких идеологически релевантных дублетов в постсоциалистическое время решена однозначно: они исчезают вместе с обозначаемыми ими денотатами (*СЭВ, Берлинская стена*) в процессе деактуализации самих реалий социалистической действительности в этих странах. С этого времени подобные единицы в немецком языке дефинируются только в общественно-политическом контексте «старой ФРГ», что не исключает на протяжении определенного времени «смешения специфической лексики "старой ФРГ" с рудиментами специфической лексики ГДР» [12, S.108].

Но, если исчезают конкретные идеологически релевантные номинации, «по-социалистически» обозначающие реалии действительности, то не исчезает сам принцип разного мировоззренческого подхода к наименованию общественно значимых явлений любой действительности. Поэтому на смену одним «идеологически релевантным дублетам» в словарь восточных немцев приходят другие. Они выражают другую, отличную от официальной политики,

точку зрения на происходящие события и явления в обществе в уже объединенной Германии и, в соответствии с этим, по-разному обозначают и оценивают их. Сам процесс объединения Германии имеет наряду с официальным *Wiedervereinigung* целый ряд других обозначений: *Ausverkauf*, *Anschluß der DDR* (распродажа, аншлюс ГДР), *Besetzung* (оккупация), *BRDigung* (похороны – игра слов: *Beerdigung* / *BRD*), *Ko(h)lonisation* (колонизация – игра слов: от имени канцлера Г. Коля), *Verwestlichung* (вестернизация), *Einverleibung der DDR* (включение, аннексия ГДР); бывшая ГДР имеет целый ряд конкурирующих обозначений: *Filiale der BRD* (филиал ФРГ), *Ko(h)lonie DDR* (колония Коля ГДР); *staubige Landschaften* (пыльные ландшафты – аллюзия с «процветающими ландшафтами», обещанными Колем), *Absturz Ost* (обвал «Востока / восточной части Германии» в противоположность объявленной программе «Подъем Востока») и т.п.

Подобные процессы происходят и в русском языке: с исчезновением номинаций с идеологическими (социалистическими) коннотациями не исчезает сам феномен «номинативной конкуренции» в процессе обозначения новых политических реалий. Их число быстро растет в постсоветской России ввиду амбивалентного отношения людей как к рухнувшему социалистическому строю, так и не оправдавшему возлагаемых на него надежд новому строю, называемому и оцениваемому чаще всего негативно. Так, например, официальному понятию *приватизация* соответствует широко распространенное и в сознании русских людей укрепившееся параномастическое обозначение *прихватизация*, как «средство обогащения тех, кто ее проводит, осуществляет (на этапе массовой раздачи госсобственности)» [9, с. 114]. Другие (самые нейтральные) обозначения этого времени также показывают расхождения в восприятии, обозначении и оценке событий в постперестроечной России: *экономическая реформа* / *шоковая терапия*, *демократия* / *ельцинокрафия*, *оздоровление экономики* / *долларизация экономики*, *демократизация общественной жизни* / *американизация* и другие.

Особое место в ряду идеологически обусловленных параллельных номинаций занимают слова-оценки, служащие образной отрицательной характеристике, стигматизации (от *stigmatisieren*: клеймить позором) общественно значимых явлений социалистического прошлого: *совдения, совок, нарден, партократ / Stasi* (служащий госбезопасности ГДР), *Altherrenriege* (группа престарелых членов политбюро СЕПГ), *Parteichinesisch* (партийный китайский язык) и др. При этом следует отличать эти номинации от лексики официозного и бранного вокабуляра, типичного для обеих социалистических стран. Это эмоционально заряженная лексика, стоящая на службе официальной агитации и пропаганды, с помощью которой давались негативные оценки "классовому врагу": *империалисты всех мастей, идеологические диверсанты, реваншисты / Imperialisten aller Art, ideologische Diversanten, Revanchisten*.

Другими активными формами критического отношения к явлениям недавнего советского прошлого в первые годы перестройки стали пародирование, вышучивание, травестирование официального политического жаргона. Причем резкое возрастание психологического неприятия бюрократического языка прошлого часто принимает формы ёрничества на основе советского новояза, что свойственно всем языкам посттоталитарных обществ [3, с. 25]. В этой связи следует упомянуть «Наш советский новояз» Б. Сарнова [11].

Идеологически релевантная **оценочная специфика** выражается при одинаковом обозначении в идеологически обусловленной разнице оценок, соотносимой с идеологически противопоставленными политическими системами. Связанная с этим поляризация оценок, присущая ключевым понятиям этих систем, исчезает в процессе идеологической переориентации, переоценки всех ценностей и актуализации идеологием капиталистической действительности в эпоху перестройки в Советском Союзе и объединения Германии. Это нашло свое выражение в "переконнотировании" (мелиорации / пейорации) данных лексических единиц: до «перестройки и объединения»: *Marktwirtschaft / рыночная экономика* (–) «соц.», (+) «кап.»; *Planwirtschaft /*

плановая экономика (+) соц., (-) кап.; «после перестройки и объединения»: *Marktwirtschaft* / рыночная экономика (+) соц., (+) кап.; *Planwirtschaft* / плановая экономика (-) соц., (-) кап. Такой процесс «реабилитации» терминов, ранее относящихся к политическому лексикону «идеологического противника», характерен для большей части политической терминологии.

Как видно из приведенных примеров, оценочная переориентация чаще всего происходит в одностороннем порядке, по линии уподобления капиталистической системе координат. Снятие пейоративной оценки, обусловленной восприятием денотата сквозь призму определенной идеологии, так же как и ее появление, объясняется «деидеологизацией лексики» [2, с. 36]. С другой стороны, следует, однако, отметить расхождение оценок определенных явлений общественной значимости в восприятии восточных и западных немцев уже в объединенной Германии. Это касается положительно коннотированных слов общегерманского словаря, таких как *Abwicklung* (свертывание), *Umstrukturierung* (реструктуризация), *Treuhand* (опекунский совет), называющих, по мнению западных немцев, мероприятия, способствующие оздоровлению экономики восточной части Германии. Однако для восточных немцев эти слова, в контексте большого количества экономических и социальных проблем, вызванных сменой общественного строя и не всегда разумно проведенной реструктуризацией экономики бывшей ГДР, приобретают чаще всего ярко выраженную негативную оценку явлений, последовавших за объединением, которая кардинально отличается от западногерманской.

Изменения данной группы политического вокабуляра вызвано деактуализацией одних и актуализацией других понятий политического лексикона с их одновременной идеологической переоценкой.

«Языковое объединение». Феномен «остальгии»

Актуальное направление для современного немецкого языка в объединенной Германии, известное как преодоление «языковых конфликтов», коммуникативных барьеров между восточными и западными немцами,

получивших образные названия «языковой стены», «стены в головах граждан» („*Sprachmauer*“ / „*Mauer in den Köpfen*“), и связанных с «поиском языковой идентичности» немцев, не является релевантным для российской действительности и современного русского языка. Возникшие же у восточных немцев коммуникативные проблемы в ходе их «языкового присоединения» к западногерманскому языковому сообществу, привели даже к необходимости создания языковых консультаций и переводческого сервиса для беспроблемной коммуникации между восточными и западными немцами [18, S. 86-94].

В ходе демократических преобразований в ГДР и в СССР произошли глобальные общественно-политические изменения, которые затронули все жизненные сферы общества в этих странах. Но особенно ярко они проявились в области идеологии, политики, государственного и социального устройства, экономики, общественных организаций и т.п. Вызванные ими радикальные языковые изменения затронули в первую очередь политический язык, его понятийную систему и общественно-политическую лексику.

Динамические процессы деидеологизации общества, повлекшие за собой радикальные изменения в современном русском и немецком языках, в одинаковой мере характерны как для бывшего Советского Союза, так и для бывшей ГДР. Политический язык этих бывших социалистических стран подвергается наиболее радикальным изменениям, с одной стороны, в ходе *деактуализации* и *стигматизации* существующих общественно-значимых явлений социалистической действительности, с другой стороны, в *актуализации* и *мелиорации* идеологием капиталистической действительности. В свою очередь, общественные процессы *деактуализации* и *стигматизации* привели к кардинальным изменениям в языке: лавинообразной *архаизации* и *переоценке* целых пластов существовавшей идеологически релевантной лексики в русском и немецком языках (в том числе к стигматизации ранее положительных ключевых понятий тоталитарного общества); процессы *актуализации* и *мелиорации* привели в свою очередь к а) *заимствованию* и *переоценке* идеологически релевантной лексики из политического лексикона

бывшего «идеологического противника» (в том числе и к легитимизации ранее табуизированных политических понятий другой идеологической системы с приданием им положительной оценки); б) к *реактуализации (деархаизации)* уже ранее существовавших понятий; в) к *созданию* новых политических номинаций.

Следует отметить, что существовавшая внутринемецкая оппозиция языкового словоупотребления *восточный / западный* соотносима с оппозицией *социалистический / капиталистический*, отражающей наднациональное противопоставление различных идеологий, и применима к русскому политическому языку доперестроечного периода.

Различия в историческом развитии ГДР и Советского Союза обусловили специфику языковых изменений в обоих государствах: в России они происходят в основном по линии реактуализации существовавшего до 1917 года политического лексикона (*дума, держава*), в то время как в восточной части объединенной Германии эти процессы, вызванные присоединением ГДР к Западной Германии согласно ее конституции, происходят в основном за счет актуализации единиц политического лексикона ФРГ (*бундестаг, бундесрат, бундесвер*). Эти различия вызваны также разными результатами демократических процессов обновления в двух государствах: результатом перестроечных процессов в Советском Союзе стал *распад СССР*, в то время как в ГДР они привели к *объединению* немецкой нации. Об актуальности данного политического события для современной немецкой истории свидетельствует дискурс о «национальной идентичности немцев», разгоревшийся с новой силой в объединенном германском обществе [16, S.63-75]. В России это происходит в форме перманентного поиска «национальной идеи».

Исчезают идеологически релевантные, классовые характеристики при толковании таких понятий как «демократия» в словарях постсоциалистического периода: они отсутствуют в «Объединенном Дудене» уже в 1991 году: (*Staatsform, in der die vom Volk gewählten Vertreter die Herrschaft ausüben / форма государства, при которой народом избранные представители*

осуществляют власть) [13, S. 199]; нет их и в русском словаре Ожегова 1999 года: *политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан* [10, с. 160]. Анализ всех новых вариантов толкования понятия *демократия / Demokratie* во многих других словарях русского и немецкого языков показал, с одной стороны, наличие общего, основополагающего компонента значения (демократия – *форма народовластия*), с другой стороны, наличие семантических компонентов, коннотаций и акцентов, несущих национальный отпечаток. Они свидетельствуют об определенных различиях в политических культурах и историческом опыте обоих государств.

Так дефиниции этого понятия в немецком языке более полные, чем в русском, они дают объяснения *как, каким образом* народ может осуществлять свое влияние на политическую систему. В русских словарях данная информация вообще отсутствует. Кроме того, в России понятие *демократия* ассоциируется наряду с новыми позитивными политическими явлениями последних лет, с такими как *гласность, свобода, плюрализм мнений*, также с негативными явлениями нового времени: *анархией, хаосом, демагогией, иллюзией, обманом* [5, с. 153]. В этой связи понятие *демократ*, которое по определению М. Хельмана, «по-разному дефинируется, но везде одинаково положительно оценивается» [14, S. 523], получает в русском языке негативную окраску в связи с массовыми негативными явлениями, привнесенными в российскую действительность псевдодемократами эпохи Ельцина (отсюда презрительные новообразования: «*дерьмократия*», «*демократизаторы*» и др.) [8, с. 155].

К радикальным изменениям номинативного, семантического и прагматического характера следует также отнести процессы реактуализации (деархаизации) определенных пластов общественно-политической лексики, ранее уже существовавшей, но вытесненной из языкового сознания со сменой общественного строя в России после 1917 года. Они возрождаются из прошлого, обозначая собой явления, запрещенные или отвергнутые в

предшествующую эпоху. Эти процессы типичны, в первую очередь, для русского языка, в который во время и после перестройки в большом количестве «вернулись» слова из российского исторического прошлого (*дума, губернатор, держава, фирма, биржа*). Эти «возвращаемые из досоветского периода слова» могут восприниматься массовым сознанием вследствие распада связи времен как новые [6, с. 173]. Это явление "возобновления" причисляется наряду с "переконнотированием" и "образованием неологизмов" к одной из основных "вербальных стратегий" эпохи перестройки [21, S. 232].

Процессы реактуализации не являются для немецкого языка типичными и имеют другие количественные и качественные характеристики по сравнению с русским. Об этом свидетельствуют лишь немногие примеры "возвращенных" после объединения в политический лексикон Восточной Германии слов (*Land, Arbeitsamt*). Это объясняется тем, что процесс деархаизации подобных единиц происходит через сравнительно небольшой срок существования ГДР. Их присутствие в политическом языке соседней Западной Германии не привело к их полному забвению в языковом сознании немцев ГДР, их полной архаизации. Это составляет отличие процессов реактуализации общественно-политической лексики в немецком языке от русского.

Неологизация, как одна из основных «вербальных стратегий» эпохи глобальных перемен, служит наряду с вышеназванными языковыми процессами формированию нового политического лексикона в постперестроечной России и в восточной части объединенной Германии. Создание неологизмов начинается с непосредственного обозначения самих процессов демократических преобразований в Советском Союзе (*перестройка*) и в ГДР (*Wiedervereinigung, Wende / объединение, поворот*). Другими неологизмами, созданными в этот период, являются: *гласность, застой, десталинизация, аппаратчик, номенклатура, партokratия, прогорбачевский, антиперестроечник, приватизация, новые русские / Montagsdemonstration (понеделнические демонстрации), „Allianz für Deutschland“ («Союз за Германию»), „Runder Tisch“ («Круглый стол»), Währungs-, Sozial-*

Wirtschaftsunion (валютный, социальный, экономический союз), *Solidaritätszuschlag* (солидарная доплата западногерманских немцев на помощь восточным немцам) и др. В Германии выходит специальный словарь ключевых слов периода объединения („Schlüsselwörter der Wendezeit“) [15].

К специфичным процессам языковых изменений, касающихся только современного русского языка, следует отнести процессы **вульгаризации** литературного языка, ярко выраженные в постперестроечной России. Просторечные и жаргонные элементы свободно включаются в современные газетные тексты и становятся привычным средством публичного общения. Более того, социальные жаргоны (молодежный сленг и уголовное арг) становятся основными центрами современного влияния на русский язык [7, с. 67-89], что также привело к «функциональному оскудению официальной речи» [4, с.42-44]. Такие слова как *беспредел, разборка, тусовка, баксы, крыша, замочить, наехать, кинуть* прочно вошли не только в устный обиход, их часто можно встретить на газетной полосе, в речи политиков, депутатов, что позволило филологам говорить о «новоязе постперестройки». Эти ярко выраженные тенденции политического языкового ландшафта России нашли также свою лексикографическую фиксацию в специальном «Словаре современного жаргона российских политиков и журналистов» [9].

Объяснение экспансии уголовной субкультуры в современный русский язык эпохи Перестройки и постперестроечного периода находят в том, что блатные слова «отражают-выражают сущность реально существующих в обществе социальных экономических и властных отношений», они явились следствием «разгерметизации» уголовного арг [1] в результате усиления роли данной социальной группы в жизни российского общества [7, с. 83-84]. Данное явление радикального упрощения литературного языка, его вульгаризации, в современном немецком языке отсутствует.

Переоценка, переосмысливание, переименование политических понятий после краха «реального социализма» приводят к отказу от существующей и реабилитации политической терминологии, которая раньше принадлежала

«идеологическому противнику». Односторонний характер таких изменений во всей Восточной Европе существенно и почти в одинаковой мере определил суть языковых изменений во всех государствах бывшего Восточного блока. Они, по определению Д. Полака, после крушения государственного социализма отданы в руки другой доминирующей силе, которая осуществляет свою власть уже не с Востока, а с Запада [20, S. 30-31]. Эти изменения сводятся чаще всего к тому, что все вдруг и часто очень формально, без учета национальных особенностей меняется в соответствии с требованиями новых идеологий: исчезают старые и появляются новые слова, значения, обозначения, оценки. А так как этот процесс протекал как исключительно формальный, проблема дальнейшего воздействия «наследства социализма» в разных направлениях общественно-политической жизни для каждой постсоциалистической страны остается очень актуальной, о чем свидетельствует «остальгия» („Ostalgie“) в восточной части объединенной Германии, не говоря о подобных явлениях в постсоветской России.

Сравнительный анализ языковых изменений различных групп идеологически релевантной лексики позволил установить связи между процессами, происходящими в языке и в обществе в эпоху глобальных изменений и переоценки всех ценностей, которые за сравнительно короткий срок привели к переидеологизации общества в России и в бывшей ГДР. Он показал общие тенденции развития в русском и немецком языках, большую степень сходства языковых изменений этого периода при некоторых национальных различиях, что объясняется былой принадлежностью этих двух стран (ГДР и СССР) к одной идеологической системе координат.

Новые идеологии несут с собой новый язык, а вместе с ним и новые языковые проблемы, в том числе, и проблемы языковой манипуляции: «Просматривая ненужные слова 20-го столетия, сразу замечаешь, что после прощания с бывшими в свое время сильнейшими идеологиями столетия не уменьшается число попыток снова навязать людям определенный тип мышления»[22, S.10].

Список литературы:

1. Елистратов В.С. Словарь московского аргю. М.: АО «Русские словари», 1994.
2. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 32-66.
3. Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9-31.
4. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Просвещение, 1991.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь в 2-х томах. М.: АСТ-Астрель, 2002.
6. Китайгородская М. В. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С.162-236.
7. Кокорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 67-89.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
9. Моченов А.В. и др. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.:АЗЪ, 1999.
11. Сарнов Б. Наш советский новояз. М.: Материк, 2002.
12. Blei D. Ein Deutschland–Eine deutsche Sprache? Ein Beitrag zu den sprachlichen Anpassungsleistungen der Ostdeutschen // Germanistische Mitteilungen 37, 1993. S. 105-112.
13. Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. (Einheitsduden). 20. Aufl. Band 1. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1991.

14. Hellmann M. Deutsche Sprache in der BRD und der DDR // Althaus H.P./ Henne H. / Wiegand H.E. (Hrsg.). Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2.Auflage. Tübingen.1980. S. 519-527.
15. Herberg D., Steffens D., Tellenbach E. (Hrsg.). Schlüsselwörter der Wendezeit. Ein Wörter-Buch zum öffentlichen Sprachgebrauch 1989/1990. Berlin – New York, 1997.
16. Katajewa S. Eine Überblicksskizze zum öffentlichen Diskurs der Intellektuellen über die nationale Identität der Deutschen // Klusmann P.G., Hoffmann F. (Hrsg.). Russische Zugriffe. Abhandlungen und Essays zur deutschen Literatur und Landeskunde. Bochum, 1999. S. 63-75.
17. Katajewa S. Politische Sprachen im Wandel // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H. 45. 2006. S. 37-52.
18. Kühn I. Almstädt K. Deutsch-deutsche Verständigungsprobleme. Erfahrungen aus der Sprachberatung // Der Deutschunterricht. H. 1, 1997. S. 86-94.
19. Oshlies W. „Wir sind das Volk“. Zur Rolle der Sprache bei den Revolutionen in der DDR, Tschechoslowakei, Rumänien und Bulgarien. Köln – Wien, 1990.
20. Pollak D. Nationalismus und Europaskepsis in den postkommunistischen Staaten Mittel-und Osteuropas // Aus der Politik und Zeitgeschichte. B. 38. 2004. S. 30-37.
21. Rathmayer R. Von Коммерсант bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertbildungen im Wortschatz der Perestrojka // Slawistische Beiträge. B. 274. München, 1991.
22. Schlosser H. D. Lexikon der Unwörter. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000.

Сведения об авторах:

Катаев Дмитрий Валентинович – доктор социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного

педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Катаева Сталина Гавриловна – доктор филологических наук, профессор кафедры французского и немецкого языка Института филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Data about the authors:

Kataev Dmitriy Valentinovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and Theology Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Kataeva Stalina Gavrilovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of French and German Language Department of the Philology Institute, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

E-mail: dmitrikataev@rambler.ru.

E-mail: katajewa@rambler.ru.